

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ НОСИТЕЛЕЙ БЕЛОГОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ

Н.В. Беленов

*Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара,
belenov82@gmail.com*

Аннотация. В статье на основании топонимических данных с территорий, входивших в ареал распространения белогорской археологической культуры – локального варианта ананьинской культурно-исторической общности, выдвигается ряд предположений относительно этноязыковой принадлежности ее носителей. Ввиду отсутствия на этих территориях пермоязычной топонимии ставится под сомнение пермоязычность племен белогорской культуры, так как на сопредельных территориях, в ареалах иных вариантов ананьинской культурно-исторической общности такая топонимия достоверно прослеживается, в том числе и на примере микротопонимии. Данный факт показателен тем, что более древний топонимический пласт – индоиранский – прослеживается на тех же территориях, что свидетельствует о принципиальной возможности сохранения здесь пермоязычной топонимии в том случае, если бы таковая присутствовала. В качестве альтернативы, в порядке рабочей гипотезы, с учетом данных топонимики, археологии и этнической истории региона автором выдвигается версия о возможном ираноязычии носителей белогорской археологической культуры. В пользу данного вывода свидетельствуют, в том числе, данные антропологии, согласно которым носители белогорской культуры по антропологическому типу значительно ближе к представителям южных степных культур, в тот исторический период, вероятно, представленных ираноязычными кочевниками, нежели к носителям иных вариантов ананьинской культурно-исторической общности. Также нельзя исключать, учитывая вероятную неоднородность носителей ананьинской культурно-исторической общности в языковом отношении, что представители белогорской археологической культуры могли говорить на каком-то финно-угорском языке, близком волжско-финнским. В этом случае оставленный ими топонимический пласт мог слиться с позднейшей молдавской топонимией на данных территориях.

Ключевые слова: белогорская культура, топонимика, этноязыковая принадлежность

Введение

Белогорская археологическая культура VII–IV вв. до н.э. являет собой одну из наиболее ярких страниц в истории Самарской Луки. Ее можно назвать и самой заметной на данной территории в археологическом отношении: практически все крупные мысы Жигулевских гор носят на себе следы белогорских укреплений-

Беленов Николай Валерьевич – кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета.

городищ. Обращает на себя внимание и ареал распространения памятников этой культуры: Самарская Лука, Соколки горы, некоторые приволжские районы Ульяновской области до широты современного Ульяновска.

Традиционно считается, что белогорская культура принадлежит к обширной ананьинской культурно-исторической общности (КИО), занимавшей территорию Прикамья и Среднего Поволжья. Наряду с этим исследователями отмечается ряд существенных особенностей белогорской культуры, отличающих ее от остальных локальных вариантов ананьинской КИО. Во многом эти особенности обусловлены территориальным расположением памятников данной культуры – на границе контактной зоны с миром степных кочевых культур.

Принято считать, что носители ананьинской культуры говорили на прапермском языке. Это, сформулированное еще А.П. Смирновым, положение не находит возражений и у современных исследователей, которые, однако, вносят ряд уточнений, рассматриваемых нами ниже. В соответствии с этим логично предположить, что на Самарской Луке и на прилегающих территориях должна была сохраниться, хотя бы фрагментарно, пермская топонимия. Однако, согласно нашим исследованиям, для указанных территорий этого не наблюдается¹. Данное обстоятельство, безусловно, требует объяснения. Мы, со своей стороны, считаем целесообразным рассмотреть следующие возможные варианты. Во-первых, обозначенный факт может объясняться тем, что на территориях, входивших в ареал расселения носителей белогорской культуры, отсутствуют объекты, названия которых могут быть устойчивы во времени – например, крупные реки, а микротопонимия часто подвергается изменениям. Во-вторых, данная ситуация может быть следствием того, что в какой-то момент истории для рассматриваемой территории был нарушен принцип топонимической преемственности, под которым мы понимаем языковой контакт между предшествующим и последующим населением, достаточный для передачи топонимической номенклатуры. Так, топонимическая преемственность может быть под вопросом на таких территориях, где фиксируется лакуна между смежными археологическими культурами. Наконец, в-третьих, при исключении предыдущих предположений, приходится признать, что язык носителей белогорской культуры не являлся пермским (прапермским, парапермским – то есть представителем какого-то прапермского языка, не оставившего потомков, по удачной терминологии, предложенной В.В. Напольских)². В дальнейшем изложении мы постараемся показать, что на данном этапе исследования наиболее предпочтительным является третий вариант.

Прежде чем перейти к критическому разбору обозначенных вариантов, считаем уместным вернуться к вопросу об этноязыковой принадлежности ананьинского населения. В последнее время высказываются, и весьма обоснованно, версии о том, что население всего обширного ананьинского ареала вряд ли было моноэтническим и моноязычным³. В то же время исключать такую вероятность полностью мы также не можем. Для нашей темы в данном случае имеет значение лишь языковая принадлежность той части ананьинского населения, которая проживала в непосредственной близости от белогорцев. В самом деле, если вдруг окажется, что

¹ Беленов 2014, 133, 207.

² Напольских 1997, 121.

³ Бельх 2009, 95.

средневожские ананьинцы вообще не были пермоязычными, то и вопрос о языке носителей белогорской культуры должен будет решаться принципиально иначе.

Однако, как показывает анализ топонимии Среднего Поволжья вверх по Волге от Самарской Луки, а также Нижнего Прикамья, пермские топонимические лексемы имеют здесь достаточно широкое распространение, учитывая древность их возникновения. Прежде всего, речь идет о топоформантах «дор» – «край, местность» и «шур/шор» – «ручей, река»; ср., например: Ундоры, Шоркин овраг и др. Пермское происхождение, по нашему мнению, имеет и гидроним Шешма, лишь позднее получивший тюркскую этимологию. Полагаем, приведенных примеров, которые при необходимости можно значительно дополнить, достаточно для того, чтобы с высокой степенью вероятности рассматривать окружающий Самарскую Луку ананьинский мир как пермоязычный.

Теперь обратимся к проблеме топонимической преемственности на Самарской Луке и в ее окрестностях со времен белогорской культуры. Установить вероятный факт языкового контакта предшествующего населения с последующим можно, в том числе на археологическом материале, как мы указывали выше. Данные археологии говорят о том, что белогорскую культуру на Самарской Луке сменила городецкая, причем ряд белогорских городищ стал использоваться пришельцами. Смена культур, по всей видимости, не была мирной, но факт контакта населения зафиксирован. Затем на рассматриваемой территории фиксируется проникновение приднепровских племен, возможно, славяноязычных. Процесс этот, насколько можно судить по археологическим данным, был постепенным и сопровождался военными столкновениями. При этом археологами отмечается и длительное сосуществование городецкого населения с пришельцами, о чем свидетельствует памятник Городище Лбище⁴. Результатом этих процессов явилось возникновение именьковской культуры. Вновь отмечаем, что при постепенной инфильтрации населения топонимическая преемственность обеспечивается. Именьковская культура прекратила свое существование после прихода в Среднее Поволжье булгарских племен. Однако последние археологические исследования свидетельствуют о том, что некоторая часть именьковского населения продолжала проживать на прежней территории совместно с булгарами. Топонимия же булгарского периода сохранилась достаточно хорошо на всей территории бывшей Волжской Булгарии, не является исключением здесь и Самарская Лука. Таким образом, у нас есть основания полагать, что принцип топонимической преемственности для Самарской Луки и прилегающих территорий со времен существования белогорской культуры до наших дней не нарушен.

Осталось рассмотреть вопрос о возможности сохранения топонимии на данной территории со столь давнего периода, которым является эпоха белогорской культуры. Считаю, этот вопрос может быть снят, если будет доказано сохранение на той же территории более раннего – или, во всяком случае, синхронного топонимического пласта – иранского. Присутствие его здесь мы можем ожидать ввиду наличия памятников срубной археологической культуры, ираноязычие носителей которой можно считать доказанным, а впоследствии, синхронно с «белогорцами», кочевания на данной территории савромато-сарматских племен.

⁴ Васильев, Матвеева 1986, 140.

Территория Самарской Луки действительно не характеризуется объектами, названия которых обладают устойчивостью во времени. Однако, при отсутствии рек для этой в целом маловодной, в силу особенностей геологического строения, территории особую роль играют озера. В связи с этим логично предположить, что именно лимнонимы на Самарской Луке могут относиться к древнейшему топонимическому пласту. При их анализе нами было выявлено, что как минимум четыре лимнонима имеют вероятную иранскую этимологию. Это озеро Харовое (ср. авест. Хара Березайти; «ара»/«ор» – иранский гидроформант со значением «вода»); озеро Обкан (формант «об» встречается в таких гидронимах, как Сердоба, Ягноб, вероятно, Обь); озеро Каменное, название которого, по нашему мнению, является русской фонетической калькой с иранского с последующим переосмыслением; озеро Каль (от индоарийского «kale» – «черное»; по нашему мнению, для этого лимнонима более вероятна мокшанская этимология, но нельзя исключать и калькирование мокшанами более раннего названия).

Что касается Каменного озера, то в данном случае налицо алогичность номинации объекта. Берега озера на всем его протяжении глинистые, поросшие густой растительностью, среди которой выделяются осоки; дно также глинистое, местами песчаное. Здесь уместно привести мнение выдающегося топонимиста А.Л. Шилова о необходимости при этимологизации топонима провести личный всесторонний анализ объекта, что и было нами сделано⁵. Тот факт, что название озера не соответствует его характеристике, свидетельствует о вероятном калькировании более раннего названия с последующим переосмыслением. На планах генерального межевания XVIII в. данный объект обозначен как «озеро Змеиное». Надо заметить, что такое название до сих пор носит часть Каменного озера у села Подгоры, отделенная дамбой, наряду с параллельным наименованием «озеро Иордань». По нашему мнению, в данном случае имеет место русская калька с иранского (ср. осетинское, аланское «kalm» – «змея»; согласно В.И. Абаеву, из древнеиранского «krtmī» – «змея, червь»)⁶. Такое наименование озера логически оправданно: как само оно, так и его окрестности изобилуют ужами, гадюками и медянками.

Таким образом, наличие иранского топонимического пласта на Самарской Луке свидетельствует о потенциальной возможности сохранения на данной территории топонимии белогорского времени, поскольку некоторые из упомянутых иранских топонимов – которые, по нашему мнению, также неоднородны по времени возникновения, вероятно, восходят к добелогорской эпохе.

Считаем, вышесказанного достаточно для того, чтобы на основании отсутствия пермской топонимии на территории расселения носителей белогорской культуры поставить под сомнение их пермозычность. Вопрос о возможном языке этого населения, очевидно, должен решаться с привлечением более широкого диапазона данных. Здесь же позволим себе высказать, в рамках рабочей гипотезы, собственную версию. Учитывая значительную культурную близость носителей белогорской культуры с миром соседних с ней иранских кочевых культур, а также отмечаемые исследователями отличия представителей белогорской культуры от

⁵ Шилов 2003, 110.

⁶ Абаев 1958, 353.

ананьинского антропологического типа в сторону большей европеоидности, считаем вероятным предположить ираноязычность белогорских племен.

Нельзя исключить и другой вариант, который нам, по ряду причин, видится менее вероятным, – принадлежность белогорского населения в языковом отношении к предкам волжских финнов. Топонимический аспект проблемы в данном случае может решаться в рамках восприятия и трансформации архаичной финноволжской белогорской топонимии переселившимся сюда в ордынское время мордовским населением, что делает ее выделение в настоящее время крайне затруднительным.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, В.И. 1958: *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т.1. М.–Л.
 Беленов, Н.В. 2014: *Историко-топонимический словарь Самарского Поволжья*. Самара.
 Бельх, С.К. 2009: *Проблема распада прапермской этноязыковой общности*. Ижевск.
 Васильев, И.Б., Матвеева, Г.И. 1986: *У истоков истории Самарского Поволжья*. Куйбышев.
 Напольских, В.В. 1997: *Введение в историческую уралистику*. Ижевск.
 Шилов, А.Л. 2003: Географические реалии и топонимические этимологии (на примере топонимии Русского Севера). *Вопросы языкознания* 1, 109–119.

REFERENCES

- Abaev, V.I. 1958: *Istoriko-etimologicheskij slovar' osetinskogo yazyka*. T.1. Moscow.
 Belenov, N.V. 2014: *Istoriko-toponimicheskij slovar' Samarskogo Povolzh'ya*. Samara.
 Belyh, S.K. 2009: *Problema raspada prapermskoj etnoyazykovoj obshchnosti*. Izhevsk.
 Napol'skih, V.V. 1997: *Vvedenie v istoricheskuyu uralistiku*. Izhevsk.
 Shilov, A.L. 2003: Geograficheskie realii i toponimicheskie etimologii (na primere toponimii Russkogo Severa). *Voprosy yazykoznanija* 1, 109–119. Moscow.
 Vasil'ev, I.B., Matveeva, G.I. 1986: *U istokov istorii Samarskogo Povolzh'ya*. Kujbyshev.

ETHNO-LINGUISTIC AFFILIATION OF THE BELOGORSK ARCHAEOLOGICAL CULTURE REPRESENTATIVES BASED ON TOPONYMICS

Nikolay V. Belenov

*Samara State University of Social Sciences and Education, Russia,
 belenov82@gmail.com*

Abstract. The article is based on toponymic data from the territories of spreading of the Belogorsk archaeological culture (a local variant of the Ananyino cultural-historical community). A number of assumptions regarding the ethno-linguistic affiliation of its representatives are put forward. In the absence of the Perm-language toponymy in these territories, the Perm-language of Belogorsk tribal culture is questioned, while same toponymy is reliably traced via the microtoponymy in the adjacent areas, in areals of other variants of the Ananyino cultural-historical community. This fact is especially notable because of the more ancient Indo-Iranian toponymic layer is traced in the same territories. Alternatively, as a working hypothesis, taking

into account the data of toponymy, archeology and ethnic history of the region, the author puts forward the version about the possible Iranian language of representatives of the Belogorsk archaeological culture. To support this conclusion, the anthropology data certify to the representatives of the Belogorsk culture are physically much closer to the representatives of the southern steppe cultures, who probably were the Iranian nomads, rather than to holders of other variants of the Ananyino cultural-historical community during this period. Taking into account probable heterogeneity of carriers of the Ananyino cultural and historical community in the language relation, it is also impossible to exclude that representatives of the Belogorsk archaeological culture could speak some Finno-Ugric language closed to Volga-Finnish. In this case, the toponymic layer left by them could merge with the latest Mordvinian toponymy in this region.

Key words: Belogorsk archaeological culture, toponymics, ethnolinguistic identity
